

СВОБОДА

Началом «освобождения» Центральной и Восточной Европы, а вслед за ними и бывших республик Советского Союза принято считать падение Берлинской стены. Действительно, удаление физической (а с нею и политической и психологической) преграды между Восточным и Западным Берлином сыграло огромную роль. Во многом это означало необратимость процесса «освобождения». Но сам процесс начался не там и не тогда.

Более точная дата, от которой следовало бы вести отчет «освобождения» социалистического лагеря, — не 9 ноября 1989 г., а 19 августа 1989 г., когда состоялся так называемый европейский пикник. Большое количество граждан ГДР, стремившихся во что бы то ни стало попасть в ФРГ, где им были обещаны гражданство и новая жизнь, в тот момент оказались в социалистической, но относительно либеральной Венгрии. Оттуда можно было надеяться попасть в Австрию, а затем в Западную Германию. И венгерское правительство решило им в этом посодействовать, открыв границу в Австрию — сначала на один день, а затем, 11 сентября того же года (ах, как история осквернила эту дату!), навсегда. Как только это решение было принято, поток гэдээровцев хлынул в Венгрию и Чехословакию, а из этих стран — уже в ФРГ. Нежелание граждан ГДР дальше жить в своей стране и отказ правителей в Будапеште и Праге поддержать Берлин и силой вернуть их домой сделали существование стены, разделяющей Берлин, абсурдным. Именно этот абсурд и разрушил ее.

Напоминаю об этой предыстории не из педантизма. Если мы хотим понять, что происходило дальше, мы должны видеть истинные истоки процесса. Берлинская стена пала не из-за того, что об этом договорились в Берлине и Бонне (а значит, в Москве и Вашингтоне). Стена рухнула потому, что ее банально обошли, лишили смысла, а без смысла кирпичи и колючая проволока ничего не значат. Но главное даже не это, а то, почему ее обошли:

восточные немцы хотели жить по ту сторону. Это противоречит еще одному объяснению — будто стена рухнула, потому что граждане ГДР хотели что-то изменить в собственной стране.

Экономисты используют модель, описывающую поведение потребителей, которым не нравится тот или иной товар. Согласно этой модели у них есть два варианта — «выход» или «голос». Второй вариант проще, требует меньше сил и затрат, но к нему имеет смысл прибегать только тогда, когда есть вероятность, что голос будет услышан и учтен (и не только компетентными органами). Если такого шанса нет, лучше выбрать первый, более радикальный вариант. Политэконом Альберт Хиршман применил эту модель к ситуации, сложившейся в ГДР. Не буду занимать внимание читателя повествованием о том, почему гэдээровцы выбрали именно «выход», а не «голос». Отмечу только, что выбор этот был довольно однозначным.

ГДР — не единственная страна, из которой многие уехали как в годы тоталитаризма, так и после его развала. Собственно, из всех стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) и бывшего СССР уезжали и продолжают уезжать. Едут в основном на Запад — на заработки или за образованием, за безопасностью, за новыми перспективами. Так же уезжают из государств третьего мира, и даже из одних развитых стран в другие, более развитые или просто чем-то отличающиеся от собственной. Это я к тому, что не стоит упрекать граждан бывшей ГДР за их выбор. Он понятен и стандартен.

Вместе с тем этот выбор показателен, потому что отражает суть посткоммунистической эпохи, и не только в Германии (и даже не столько в Германии, так как ГДР обладала преимуществом, которого не имели другие страны, — впоследствии она была поглощена ФРГ). Бегство было и во многом остается не от несвободы к свободе, а от не слишком хорошей жизни к лучшей. Если восточные немцы и искали свободу, то это была свобода «от» (угнетения, бедности, унылости, отсутствия надежды), что, безусловно,

важно, но существенно отличается от свободы «для» (самовыражения, политического и гражданского самоуправления и, наконец, определения курса собственного государства). Либеральные теоретики твердят, что это одно и то же. Но опыт последних двадцати лет опровергает данную теорию.

Спустя двадцать лет после падения Берлинской стены многие говорят о новой преграде, которая разделяет Европу. Этот новый занавес появился существенно восточнее прежнего, железного. Он намного более проницаемый, но тем не менее вреда от него немало. Он разделяет те страны, которые вошли в Евросоюз, и те, которые туда попадут нескоро или вообще не попадут никогда. Исследователи отмечают, что успешный транзит к демократии и рыночной экономике сумели осуществить лишь те страны бывшего социалистического лагеря, которые расположены к западу от этого занавеса. Некоторые склонны думать, что дело здесь в историко-культурном различии: мол, одни способны к транзиту, а другие нет. Но опыт показывает, что причинно-следственная связь здесь иная, а именно: транзит удался благодаря фактору Евросоюза.

Однако независимо от того, какая будет установлена причинно-следственная связь, новый занавес, разделяющий Европу, во многом иллюзорен. Он реален в той степени, в какой определяет мышление людей, в том числе и политиков. Но при этом он не позволяет увидеть глубинное сходство государств и обществ по обе стороны этого занавеса. А между тем, несмотря на кажущиеся различия, сходство этих стран несомненно.

Новые члены ЕС, безусловно, обладают более устойчивым институциональным устройством, чем их восточные соседи. Причиной этого является сам ЕС и его *acquis communautaire* (совокупность правовых норм), которую центрально- и восточноевропейские правительства ввели в действие за последние почти двадцать лет. Это же и создало то самое «государство, пригодное к употреблению» (*usable state*), о котором пишут транзитологи (Хуан Линц и Альфред Штепан). Так, приверженность элит демократическим ценностям и процедурам во многом утвердилась благодаря необходимости

доказывать свою принадлежность к европейскому семейству народов и государств. Вплоть до вступления в ЕС практически все политики региона, участвуя в выборах, пытались привлечь избирателя, утверждая, что именно они, а не их конкуренты, быстрее приведут страну в ЕС.

Но если «государство, пригодное к употреблению», уже создано, то остается неясность относительно общества — готово ли оно к тому, чтобы это государство «употребить». И не только общество в целом, но и политики, и политические партии, и СМИ, и гражданское общество, и все другие «неструктурные» частицы демократической системы. Ведь государство — это не набор формальных, конституционально подтвержденных институтов, это система отношений между обществом и тем, что мы называем властью, а также отношений внутри самого общества. Ответ на вопрос, что же изменилось после 1989 г., следует искать именно в том, что произошло с системой отношений между обществом и государством.

Изменилась одна очень важная вещь: успех и перспективы гражданина более не зависят в решающей степени от государства.

Это изменение произошло во всех странах бывшего соцлагеря (возможно, частичным исключением являются лишь Туркмения и Узбекистан). К тому же всюду кроме этих двух стран тоталитаризм мертв, а значит, в регионе в целом идеология почти не играет роли. В совокупности эти два изменения привели к фундаментальным сдвигам в общественно-государственных отношениях, но не всегда в пользу свободы. Однако об этом чуть ниже.

Государства больше не диктуют своим гражданам, где жить, работать, учиться и отдыхать, что читать и во что одеваться, как интерпретировать происходящее вокруг. Даже там, где демократия слаба или вообще отсутствует, основные права человека соблюдены, и в устройстве личной жизни житель Евразии отличается от жителя Западной Европы разве что достатком. Различия более ощутимы в области гражданских и политических свобод. Здесь только граждане стран — новых членов ЕС имеют права

(электоральные, протестные, медийные и т. д.), соизмеримые с теми, которыми обладают жители «старой» Европы.

Что означает эта разница в области гражданских и политических свобод? Согласно опросам, проведенным Европейским банком реконструкции и развития (ЕБРР), примерно 40% жителей ЦВЕ считают, что экономическая ситуация в их стране лучше, чем в 1989 г., и ровно столько же дают такой ответ в странах СНГ, несмотря на их очевидную экономическую отсталость. Еще более парадоксальна политическая картина: примерно 45% жителей СНГ ответили, что по сравнению с 1989 г. политическая ситуация в их стране улучшилась, в то время как в ЦВЕ таким образом ответили чуть более 30%.

Конечно, опрос общественного мнения — вещь весьма условная. Сегодняшняя оценка положения дел двадцатилетней давности неизбежно субъективна и изменчива. Да и степень политической и экономической разрухи в странах Центральной Европы отличалась (в основном в лучшую сторону) от той, что была в Советском Союзе. Эту сомнительную «социологию» можно было бы вообще не принимать во внимание, если бы она не подтверждалась другими статистическими данными. По данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), за последние десять лет количество людей, уезжающих из бывших социалистических стран, неуклонно растет. Так, с 1998 г. по 2007 г. количество тех, кто уезжал из Венгрии в страны ОЭСР (богатые, в основном западные страны), выросло на 92% и в 2007 г. составило 34,9 тыс. человек; в Польше за тот же период рост составил 137% (до 221,9 тыс. в год), из Украины в 2007 г. уехали 115,4 тыс. человек, что на 238% больше, чем в 1998 г. Из этой закономерности выбивается лишь Россия: в 2007 г. отсюда уехали 70,3 тыс. человек, что всего на 4% больше, чем в 1998 г.

Демократия — не Берлинская стена. На ней нет колючей проволоки, по ней не ходят вооруженные пограничники. Она никого не удерживает. Но если ее обойти, если бежать от нее подальше в поисках лучшей жизни, она

становится абсурдной не в меньшей степени, чем двадцать лет назад Берлинская стена. И от этого абсурда она точно так же может рухнуть.

Конечно, на это рассуждение можно возразить: мол, бегут не от демократии, а из одной демократической страны в другую. И вообще, причем здесь демократия — речь же шла о свободе. И какая же это свобода, если она не подразумевает возможность уехать? Это, безусловно, верно, но не меняет сути происходящих процессов. Людей, как и прежде, в первую очередь интересуют личное благосостояние (во всех его проявлениях, не обязательно только материальное) и перспективы для детей. Политика — средство достижения этих целей. Берлинская стена мешала людям главным образом именно поэтому, а не по политическим причинам. Новая «демократия» людям, может быть, и не мешает, но, по всей видимости, недостаточно способствует в реализации их устремлений, по крайней мере, так считают они сами. И так же, как и стена, она может исчезнуть.

Стоит вернуться к тому, что произошло после того, как Берлинской стены не стало. Горбачев дал понять, что Советский Союз не будет защищать социалистические режимы ЦВЕ от их собственных народов, которые не желают жить при социализме. Тем самым вариант «голос» стал вдруг перспективным, и коммунистическим лидерам быстро указали на «выход». Кто-то из них ушел добровольно, кто-то не очень, а кто-то и вовсе не ушел, но коммунистических стран в регионе не осталось. Новые лидеры (некоторые при этом оказались переодетыми старыми) научились играть по новым правилам. Правил было два. Во-первых, руководители избираются народом на свободных выборах хотя бы потому, что такая система гарантирует проигравшим возможность остаться в игре, а не сесть в тюрьму. Во-вторых, основой легитимности является исключительно стремление продвигать страну в Европейский союз.

Четырнадцать лет страны ЦВЕ бродили по пустыне, пока часть из них не пустили в Евросоюз. Все эти годы функционировали демократические институты, проводились выборы, сменялись партии и правительства,

издавались независимые СМИ и развивалась рыночная экономика. Но при этом публичной политики как таковой не было. Бывшие коммунисты (ныне социал-демократы) соревновались с бывшими антикоммунистами (ныне правоцентристами) в том, кто больший технократ и меньший политикан. При этом так и не сформировались партийные структуры, способные агрегировать и мобилизовать различные общественные интересы. На вопрос: «Какой мы хотим видеть нашу страну?» хором ответили и правые, и левые: «Европейской». Это хорошо, но этого мало. Демократии без разногласий не бывает.

Разногласия, конечно, были, но они не обсуждались в политической сфере. По всей видимости, в этом виноваты и политики, и общество, поскольку боялись, что если вынести сор из избы, это помешает делу вступления в ЕС. Но шли масштабные реформы образования, здравоохранения и жилищной сферы, социальное и экономическое расслоение общества углублялось, росло количество бездомных и безработных. Помимо всего прочего некоторые страны просто перестали существовать, и на их месте возникли новые. Для общества в целом и для каждого по отдельности это был тяжелейший опыт. Все эти явления переживали в свое время и страны ЕС — отчасти они сталкиваются с ними и сегодня. Разные общества пришли к разным решениям, поэтому немецкое государство сильно отличается от британского или итальянского. Только сейчас, став «европейцами», жители ЦВЕ должны решить, какими именно европейцами они хотят быть и какое именно государство строить. Те институты, с виду демократические, которые сослужили им хорошую службу при вхождении в ЕС, оказались не слишком полезны для дальнейшего движения вперед. Не находится политиков, готовых претворить в конструктивную программу то широкое недовольство, которое выявилось в опросах ЕБРР и в статистике по эмиграции. Вместо этого обездоленное и растерянное население попадает в объятия радикалов и националистов с их простыми ответами. Внимая их агрессивным призывам, те, кто считает себя

несправедливо обделенными, обращают свой гнев на «чужих». Жертвами нередко становятся цыгане, то здесь, то там в странах «новой» Европы горят синагоги. Народы этих стран пытаются говорить, но в коридорах власти их как будто не слышат. Опять нарастает угроза массового движения на «выход».

Жители бывшего Советского Союза за исключением трех прибалтийских стран гражданами объединенной Европы не стали и в обозримом будущем не станут. Таким образом, российские или украинские деятели, игнорирующие зов публичной политики, не могут подобно коллегам из ЦБР оправдать себя тем, что, ввязываясь в политику, они рискуют отсрочить вступление в ряды Европейского союза. Впрочем, по большому счету этого зова и не было. Если центральноевропейские страны все же бродили четырнадцать лет по пустыне формальной демократии и за это время выработали некоторые полезные привычки, правители их восточных соседей увели свои народы в несколько иные пустыни, и привычки у них появились другие или, вернее, остались примерно те же, что прежде, до изгнания из советского «рая». Здесь нет тех правил, по которым играли лидеры в ЦВЕ. Здесь вообще нет правил.

Примечательно, что проблемы и к западу, и к востоку от нового занавеса, тем не менее, почти одинаковы. При всех формальных успехах в ЦВЕ недоразвита сущность общественно-государственных отношений, в том числе и парламентов, и партий, и прессы. А это значит, что власть остается неподотчетной. И именно поэтому народ движется к «выходу»: кто в эмиграцию, кто на дальнюю периферию политического поля, кто в себя (при помощи алкоголя и наркотиков или без них).

В советское время люди тоже шли «на выход». Эмигрировать было сложно, но для некоторых групп иногда возможно. Для остальных, не готовых жить в тех рамках, которые установило для них государство, был другой вариант, внешне похожий на «голос», но в сущности неотличимый от «выхода». Диссидентское движение не питало никаких иллюзий

относительно возможности изменения политического строя. Но если невозможно ни смириться с этим строем, ни жить вне его физических пределов, можно было хотя бы жить за его моральными границами. Это и есть «жизнь не по лжи». Чтобы этого достичь, собирались и говорили правду, писали правду в самиздате, рассказывали о ней западным журналистам, на мгновение даже на Красной площади кричали правду камням, елям и мертвым вождям. И ждущим чекистам.

Теперь другое время. Информация свободно передается по воздуху, от компьютера к мобильному телефону и дальше по всему свету. Она легко обходит любую стену, проникает за любой занавес. Те очень немногие режимы, которые держат свои народы в страхе и темноте, обречены на крах. Рано или поздно абсурдность жизни взаперти станет очевидной, и стены рухнут. Народы Северной Кореи, Бирмы и прочих немногочисленных тоталитарных государств рано или поздно обретут свободу. Но это будет свобода «от», а не свобода «для».

Когда Хиршман писал о политическом выборе между «голосом» и «выходом», он предполагал, что в условиях свободы и при прочих равных условиях человек выберет «голос», а не «выход». Это обусловлено тем, что «выход» сопряжен с большими затратами, ведь вышедшему приходится покинуть родное и знакомое, изменить привычный образ жизни. Но что будет, если «выход» оказался ближе? Если для того чтобы «выйти», достаточно оформить турпоездку, открыть нужную книгу или включить компьютер? Наверное, получится именно то, что мы имеем сейчас. «Выход» станет проще и дешевле, чем «голос». Унылость жизни, неблагоприятная среда сделаются более терпимыми. В теории от «голоса» отказываются только в том случае, если он бесполезен или опасен. Но в новой парадигме, когда «выход» требует всего лишь нажатия кнопки, теория не работает. В современном мире от «голоса» можно отказаться просто потому, что лень проявлять активность.

Спустя двадцать лет после падения Берлинской стены народы Центральной и Восточной Европы и бывшего СССР за редким исключением, что печально, имеют только свободу «от». Они являются полноценными гражданами нового, глобализированного мира и умеют извлекать из этой принадлежности немало выгод. Но полноценными гражданами своих стран они не являются. Выгода от принадлежности к собственному государству для них ничтожна. Обретение свободы «для», а вместе с ней и общественного суверенитета над своим государством, а не личного суверенитета за его физическими или моральными пределами — достойная задача для следующих двадцати лет.

Сэм Грин. Свобода/«20 лет без Берлинской стены: прорыв к свободе». М.: РОССПЭН, 2011.— С.21-30